

Антон
Райков

Теория
соотно-
ситель-
ности

Антон Александрович Райков

Теория соотносительности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11875394

Теория соотносительности. / Райков А.: Алетейя; Санкт-Петербург;

2012

ISBN 978-5-91419-458-8

Аннотация

«Теория соотносительности» – вторая книга автора (первая – «Философ и „Я“»), номинанта премии «Вторая навигация»-2009 «за философский дебют – первую крупную публикацию молодых авторов». Книга представляет собой сборник мыслей на самые различные темы: от теории познания до каких-то обычных жизненных наблюдений. И все-таки некоторые темы можно выделить особо, прежде всего это тема субъективности-объективности, вопросы о смысле жизни, тема научного спора (действительно ли именно в споре рождается истина?), отдельно можно выделить и притчи (о вдохновении и методичности, о легкой и трудной жизни и другие). Книга написана живым языком и является доступной для широкого круга читателей, интересующихся философской проблематикой.

Содержание

О смысле жизни: очень краткий курс	4
Апокалипсис с утра пораньше	8
Поэтическая сторона жизни	10
О смысле смысла	11
Притча о легкой жизни	14
Притча о трудной жизни	19
Философия и фракционность	24
Не совсем афоризмы	27
Философия и «Почему» в России	29
Герой-философ	31
Герой-философ. Эпизод второй: Рудин	34
Переход на личности	37
Предел аргументации	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Райков

Теория соотнесенности

О смысле жизни: очень краткий курс

В философии существует ряд вопросов, которые традиционно называются проклятыми. Это такие вопросы, четких ответов на которые вроде как нет, и быть не может, и вместе с тем, это такие вопросы, которыми человек никак не может не задаваться. «Что есть Истина?», «Есть ли Бог?», «В чем смысл жизни?» – речь идет о такого рода вопросах. Скажу сразу: ни в какую «проклятость» никаких вопросов я не верю (я вижу, что есть простые, сложные и очень сложные вопросы, а также корректно и некорректно сформулированные). И также я не вижу никакого смысла искать неведомо что, заранее зная, что результат будет по большому счету неудовлетворительным. Заранее зная, что никакой ответ не сможет быть «зачтенным» как ответ, а (и это еще в лучшем случае) как просто еще одна попытка ответа на вопрос, который не имеет (и принципиально не может иметь) ответа. Это тупиковый путь, отбивающий всякую охоту к познанию. Нет, ответы могут быть даны, и вполне удовлетворительные ответы.

Так вот, для иллюстрации постараюсь дать ответ на один из так называемых «проклятых» философских вопросов: в чем смысл жизни?

Впрочем, я считаю, что ответ на этот вопрос и так по большому счету всем известен, так что «открывать» тут особенно нечего. Разве что следует уточнить кое-что. В чем же состоит смысл жизни? Ответ таков: смысл жизни состоит в том, чтобы найти любимое дело и заниматься им. Понятно, что такой ответ многим может показаться неудовлетворительным или, скажем так, туманным и мало что проясняющим. «А вот что конкретно это за дело?» – могут спросить у философа. Но извините, это уже какой-то совсем другой вопрос. Дела многообразны, и очень многие их этих многообразных дел могут стать для конкретного человека любимыми. Туманным же приведенный выше ответ кажется только в виду того, что философия для многих вообще покрыта туманом, и философская конкретность как-то ускользает от взора очень многих людей. Поэтому, хотя я могу допустить, что приведенный выше ответ не является удовлетворительным (если мне укажут, что это так), но при этом я настаиваю, что на конкретно поставленный вопрос был дан вполне конкретный ответ и никакого тумана в нем нет. Но кое-что еще, конечно, следует уточнить.

Прежде всего, следует рассмотреть две составляющие словосочетания: «любимое дело». Во-первых, речь идет о деле. Жизнь имеет смысл только по факту, когда человеку есть

чем себя занять. Многие мечтают о жизни бездельника, но когда дело доходит до настоящего безделья, впадают в депрессию и бросаются на поиски хоть какого-то занятия. Безделье всегда бессмысленно и ничего не дает. Отдых от дела – это прекрасно, но безделье есть отдых от самой жизни, лишаящий сам процесс жизни всяческого смысла. Но далее, конечно, далеко не всякая деятельность привносит смыслообразующую составляющую в нашу жизнь. Можно быть занятым хоть 24 часа в сутки, и чувствовать, что жизнь проходит мимо, потому что дело которое мы делаем, не находит в нашей душе никакого отклика. Что же придает деятельности смысл? Ну, конечно, любовь к этому делу. Вот это неразрывное единство любви и дела, и образует смысл жизни. И, как дело может делаться без любви, так и любовь может существовать без дела. Мы можем любить живопись, и вместе с тем не быть живописцами. Мы можем обойти все на свете картинные галереи, не преставая восхищаться великими полотнами великих мастеров, и вместе с тем, нашей жизни будет чего-то не хватать. Дела, нам не будет хватать дела. Одной любви недостаточно.

Итак, смысл жизни состоит в «созидании в любви». Однако, из этого правила, похоже, есть одно серьезное исключение. А вот как быть с ненавистью? Ведь ненависть тоже может привносить в нашу жизнь смысл. И также ненависть может быть деятельной, и даже пронизывать всю суть деятельности человека. Очевидно, в начале рассуждений все же

была допущена неточность, и речь шла не об общем смысле жизни, а о (если можно так выразиться) «светлом» смысле жизни, который и состоит в том, чтобы заниматься любимым делом. А есть еще и «темный» смысл жизни, который состоит в деле, совершаемом из ненависти. И, как в первом случае речь идет о созидании, так во втором случае речь идет о разрушении. И, насколько сильно мы любим или ненавидим, и при этом насколько сильно наша любовь или ненависть побуждает нас к делу созидания-разрушения, настолько наша жизнь наполнена светлым-темным жизненным смыслом. Ну а тот, кто неспособен на сильные эмоции, или неспособен к тому, чтобы побудить себя (под воздействием этих эмоций) к действию, тот влачит более, а чаще менее осмысленное существование, зачастую лишённое вообще какого-либо смысла.

Таковым может быть ответ на один из «проклятых» философских вопросов.

Апокалипсис с утра пораньше

Бывают же такие дни... Когда не успеешь проснуться и уже понимаешь, что ничего хорошего из этого дня не выйдет. Что единственное, на что можно рассчитывать – так это прожить день без больших потерь. А они будут, эти потери, в этом тоже сомневаться не приходится. Когда нельзя рассчитывать на то, что можно хоть чем-нибудь заняться, потому что никакое занятие не имеет смысла. Когда нельзя рассчитывать на то, что можно просто ничего не делать. Нет, никто не даст тебе отдыха; наши мысли всегда начеку, а сегодня они как будто сговорились, чтобы быть исключительно мучительными мыслями. Люди, с которыми ты общаешься, тоже как будто сговорились. Вдруг оказывается, что некоторые из них живут в аду, а ты-то думал, что хотя бы у них в жизни все более-менее в порядке и это как-то успокаивало. Другие вдруг становятся первостатейными глупцами, так что даже как-то неудобно. Третьим ты вдруг говоришь что-то такое, за что уже им крайне неудобно (ты и сам вдруг становишься первостатейным глупцом). Четвертые вдруг отворачиваются от тебя, или тебе кажется, что они отворачиваются. Мелкие неприятности вдруг разрастаются до гигантских размеров. Крупные неприятности кажутся нормой существования. Все не так, потери, потери. И, конечно, время. Время будет преследовать тебя круглые сутки. Надо дожить до вечера, но по-

ка всего лишь утро. Дожить хотя бы до дня, но пока всего лишь утро. Хотя бы до полудня, но пока всего лишь утро. А от пока еще недостижимого полудня до совсем мифической полуночи еще целых двенадцать часов. Тут-то ты и понимаешь, что это такое – апокалипсис с утра пораньше.

Поэтическая сторона жизни

Унылый мир, унылая действительность. Ха! Жизнь повернулась к тебе своей поэтической стороной. Все слова вдруг наполнились смыслом, все люди соответствуют понятию «человек», все события в жизни ведут тебя по сказочной дороге в самую сказочную страну на свете. Горе, уныние, страдание. Да, все это было нужно, но нужно только для того, чтобы в конце концов стать счастливым. А где же оно – это недостижимое счастье? На поэтической стороне жизни, куда нам, пусть иногда, но все же удастся попасть.

О смысле смысла

В жизни есть определенный смысл и каждый в меру своих сил находит (или – не находит) его. Но есть наряду со смыслообразующей составляющей жизни и еще одна, которую можно назвать сверхсмысловой или еще «смыслом смысла». Что это такое и зачем нужен этот дополнительный термин? И до смысла то добраться нелегко, а тут еще и у этого смысла, как оказывается (или предполагается) есть еще какой-то смысл. Бессмыслица какая-то:) Но нет, не торопитесь, определенный смысл во всем этом есть.

Так вот, жизнь, как я полагаю, приобретает смысл, когда мы находим какое-то дело, которое нас увлекает. Но достаточно ли этого для того, чтобы мир вокруг стал более осмысленным? Очевидно, нет. Сам-то человек может увлекаться чем угодно, а вокруг него при этом может твориться полная бессмыслица. Таким образом, получается, что наш человек, ведущий осмысленную жизнь, оказывается (может оказаться) на необитаемом острове, со всех сторон окруженном океаном бессмысленности. Нормально ли это? Я полагаю, что не совсем. Ведь таким образом, изолированная осмысленность его собственного существования будет все время ставиться под сомнения со всех, куда ни глянь, сторон. Ну да, он нашел смысл. Но при этом, получается, что смысла все равно нет или его очень мало.

Вот тут-то и появляется необходимость в том, чтобы еще и смысл получил некий дополнительный смысл, который бы уже гарантировал осмысленность существования человека. В чем же может состоять эта гарантия? Мой вариант ответа таков: **смысл обретает смысл по факту изменений, которые вносит человек в окружающую его реальность.** Но, конечно, такой ответ может пока показаться не вполне ясным. О каких именно изменениях тут идет речь? Вот представим, что мы посмотрели фильм. Режиссер, снимавший этот фильм, видит смысл своей жизни в том, чтобы снимать кино; он снял очередной фильм, зрители пришли на него, посмотрели, получили эстетическое удовольствие и разошлись по домам. Нормальная ситуация? Вполне нормальная. Но далее: изменилось ли хоть что-нибудь? А вот это вопрос. Если мы скажем, что мы просто сходили и посмотрели фильм, то я не вижу, чтобы можно было сказать, что хоть что-то в нашей жизни изменилось. Мало ли мы смотрим фильмов, как плохих, так и хороших без особых каких-то последствий для себя? Очевидно, немало. Так вот, если это так, если фильм никак не повлиял на нас, то я скажу, что хотя в его просмотре (и создании) и был свой смысл, но у этого смысла не было смысла.

В чем же все-таки состоит природа изменения, о котором тут идет речь? Постараюсь определить это изменение точнее: *в жизнь человека привнесено смысловое изменение, когда нечто новое становится неотъемлемой частью его*

жизни. Так вот, я и скажу, что смысл наполняется смыслом по факту, что мы можем привнести в жизни других людей нечто, что становится неотъемлемой частью их жизненного опыта. Если этого не происходит, то наша деятельность, хотя и может давать смысл нашей жизни, но этот смысл непрочен, иллюзорен, необоснован, ему чего-то не хватает. Да, мне нравится, и даже «я люблю», и даже «другим нравится», но все это улетучивается, ускользает в никуда, если только никто другой не согласится в свою очередь принять «послание» как свое, впустить его в свою жизнь. Только так и можно сбежать с необитаемого острова смысла, на котором человек может оставаться почти в полном одиночестве.

Получается, что смысл смысла состоит в со-переживании того смысла, который мы полагаем своим, с какими-то другими людьми. И только когда зритель увидит фильм глазами режиссера, режиссер может считать свою задачу выполненной.

Притча о легкой жизни

Жил на свете человек по имени Алой, который хотел прожить свою жизнь легко. Он рассуждал следующим образом: «И что мне говорят о тяжести жизни? Жизнь легка и прекрасна. Люди страдают только оттого, что не понимают этого. А я это понял. Пусть все вокруг страдают, я же буду срывать лишь цветы жизни, и не подумаю даже посмотреть на ее сорняки». Так думал наш человек. А был он, надо сказать, молод, красив собой, и весьма состоятелен. Так что казалось, нет никаких преград к тому, чтобы ему удалось исполнить задуманное.

В общем, он и начал его исполнять. Его дни проходили удивительно счастливо и подчас бывали просто упоительны. Дом Алая был самым красивым в городе и пользовался заслуженной славой. Лучший архитектор страны отстроил его, лучшие декораторы работали над его внутренним убранством. На стенах красовались картины великих мастеров, по большей части такие, которые вызывали исключительно одну только радость и отгоняли всякую печаль. На картинах преобладали светлые тона (белый, небесно-голубой, золотой), а по содержанию они были самыми возвышенными. Любимой картиной Алая был «Олимп»: на ней величайший художник того времени изобразил пирующих олимпийских богов. Алой любил говорить, что его место там – среди пи-

рующих богов. Про свой же дом он говорил так: «Я счастлив, потому что у меня есть такой удивительный дом».

Алой пользовался большим успехом у противоположного пола, в чем, конечно, не было ничего удивительного. Красивый и богатый, он к тому же отличался изящными манерами и при этом был вполне мужественен: понятно, что такая счастливая комбинация не могла не быть притягательной для женщин. В общем, он пользовался успехом у женщин, и придавал этой части своей жизни весьма важное значение. «Тот, кто не знает радости общения с противоположным полом – тот и не живет вовсе» – любил говорить он. И добавлял: «Я счастлив, потому что у меня есть мои женщины».

Алой был очень богат. Но при этом нельзя сказать, чтобы он был привязан к своему богатству. Нет, одной из его любимых фраз было известное: «Деньги нужно тратить, а не копить». Он и тратил их. Больше всего он любил тратить деньги на картины, женщин и путешествия. «Деньги открывают передо мной все двери мира и все сердца мира»: так говорил Алой. Деньги лились рекой и эта река, казалось, никогда не иссякнет. «Я счастлив», – говорил Алой: «потому что могу ни в чем себе не отказывать».

Наконец, Алой был очень здоровым человеком. Он почти никогда не болел и ни разу в жизни не болел серьезно. Он не просто был здоровым человеком, но и крайне внимательно относился к своему здоровью. Алой старался никогда не переутомляться, и как никто другой умел отдыхать. «Я

счастлив, потому что не знаю, что такое бессонница и усталость», – говорил он. В общем, Алой жил легко и приятно. У него было богатство, прекрасный дом, женщины и отменное здоровье.

И вот так случилось, что Алой полюбил красавицу Энею. Тут его счастье и достигло апогея. Он был не просто счастлив, но, как ему верилось, оказался таки, наконец, на столь любимой им картине, и стал одним из пирующих на празднике олимпийской жизни богов, ведь красавица Энея отвечала ему взаимностью. Но ее любовь не была столь всепоглощающей как любовь Алая. Она увлеклась Алом, но вскоре ее увлечение прошло, потому что она увлеклась кем-то другим. Алой с удивлением замечал перемены в любимой женщине, потом начал ревновать, а потом вдруг понял, что глубоко несчастен. Сердце Алая было разбито. «Что же», – сказал себе несчастный Алой: «я допустил ошибку и полюбил. Больше я таких ошибок не допущу. Женщины впредь будут только радовать меня, но я никогда не буду привязываться к ним». Так сказал Алой, но общение с женщинами не приносило ему прежнего удовольствия. Он стал довольно жесток в обращении с ними, и все они напоминали ему об Энее. В конце концов, он вообще стал сторониться женщин и только пользовался ими по мере надобности (как он объяснял: «для поддержания здоровья»). «Ничего», – сказал он себе: «У меня есть мой дом, мое богатство и мое здоровье. Я все еще могу быть счастлив».

Но богатство – такая вещь, к которой надо относиться с должным вниманием. Алой воспринимал свое богатство как нечто должное и в один прекрасный день с удивлением обнаружил, что от его состояния остались какие-то жалкие крохи. Неслыханное дело: его стали всерьез донимать кредиторы! А нового кредита не предвиделось. Наконец, кредиторы потребовали такой значительной выплаты, что лишили Алая всякого покоя. Решить проблему могла только продажа его любимой картины: «Олимп». «Ни за что я не продам «Олимп»», – сказал Алой, и был вынужден продать эту удивительную картину. Алой хотел уехать в свое привычное путешествие «по всему белому свету» и развеяться, но вдруг понял, что оно ему не по карману. Он почувствовал себя глубоко несчастным человеком. «Впрочем», – сказал он себе: «у меня все еще есть мой дом и мое здоровье. Я все еще могу жить легко и приятно». И он жил по возможности легко и приятно, хотя уже далеко не так легко и приятно, как бы ему хотелось.

Тут в городе, в котором проживал Алой, затеялось масштабное строительство. И то место, где находился дом Алая, должно было отойти под часть небывалого архитектурного ансамбля, призванного прославлять правителя той страны, в которой жил Алой. Алою вежливо предложили отстроить новый дом в новом месте. На вежливое предложение последовал яростный отказ. Правители не любят, когда им дерзят. Дом Алая был конфискован, а сам он арестован и бро-

шен в тюрьму. Тюрьма, в которой он оказался, вовсе не была страшным местом. У Алоя была отдельная комната, и даже прислужник. Еда была вполне приличной, ему разрешалось читать, что ему вздумается и гулять, когда ему заблагорассудится. Скорее это было что-то вроде домашнего заключения. Но Алой уже не мог смириться со своим положением, потому что тюрьма, пусть и такая, никак не подходила под его эталон легкой и приятной жизни. Конечно, у него осталось еще его здоровье, но и оно скоро стало подводить его. Он стал болеть и перестал спать по ночам. Вскоре он крайне серьезно заболел и умер в страшных мучениях. Так закончилась легкая жизнь Алоя.

А смысл притчи ясен: тому, кто хочет жить легко, почти все будет – в тягость.

Притча о трудной жизни

Жил на свете человек по имени Атон. И вот Атон сказал: «И что это все жалуется на трудную жизнь? Да, жизнь трудна, но не настолько, чтобы жаловаться. Все можно претерпеть, все может пойти на благо. Нет ничего такого, что могло бы сломать человека, при условии, что он ведет себя подобающим образом. Я не боюсь трудностей, пусть трудности боятся меня. Никогда, даже в минуту самых больших испытаний я не заплачу. Этот мир не увидит моих слез, он увидит только мою гордо поднятую голову». Так сказал Атон и слова эти были весьма достойны, тем более, что Атон вовсе не шутил.

И он начал жить своей трудной жизнью. У него не было куска хлеба; что же, он шел и зарабатывал себе на кусок хлеба, не гнушаясь никакой работой. Ему не хватало денег на книги; что же, он шел в читальню и просиживал там целые дни. Ему доводилось жить в бараках с теми людьми, кого принято называть людьми самого дна, но и тут наш Атон не терял присутствия духа и находил, о чем поговорить даже и с этими людьми. В общем, несладко приходилось Атону, но он стойчески переносил все трудности. «Труд и трудности – услышите созвучие. Полюбите труд, и вы уже не будете говорить о трудностях. Тот, кто любит трудиться, можно сказать, даже любит *трудную* жизнь».

И постепенно стал он подниматься. Его самообразование и любовь к труду помогли ему занять подходящее место, связанное уже с осмысленным, а не черным физическим трудом, и это место дало ему денег достаточно, чтобы хватило и на кров, и на пищу, и на одежду, и на книги, и еще оставалось. Подчиненные уважали Атона и брали с него пример, ведь пример всегда берут с того, кто сам его и подает, а ведь Атон хотя работал теперь более головой, чем руками, все же работал «по-черному», с полной отдачей сил. Вскоре после того, как Атон обустроился в своем новом доме, он женился на весьма привлекательной женщине (звали ее Марией), которая родила ему в течение пяти лет трех весьма привлекательных детей: двух девочек и мальчика (Мария, Ада и Николай). Усадив себе на колени свою любимицу: годовалую девочку Аду, Атон сказал: «Я был прав. Зря люди жалуется на жизнь. Главное – не бояться трудностей и все они отступят. Вот у меня есть мой дом, моя жена, мои дети, моя работа и мои книги: что мне еще надо? Я счастлив и ничто не помешает моему счастью, ведь что бы не попыталось помешать ему, я готов встретить любые неприятности с гордо поднятой головой. Я не плакал, не ныл, и теперь твердо стою на ногах, так твердо, что меня уже не сбить». Так сказал Атон и слова его были весомы.

Но вот в его дом пришла беда. Заболел сын, заболел, а потом и умер. Велико было несчастье всей семьи. Атон же молча перестрадал потерю и сказал так: «Великое испытание

было послано мне судьбой, много страдал я, но выдержал его. Все может выдержать человек, выдержать и не сломаться. Даст еще Бог мне нового сына. Велико мое несчастье, ох велико, но я выдержу, и не сломаюсь, потому что нет такого несчастья, которого бы не мог выдержать человек». Так сказал Атон и стал жить дальше. Тут серьезно заболела любимица Атона – его ненаглядная и уже двухлетняя дочурка Ада. Атон не верил своим глазам, не верил в то, что может случиться худшее. «Нет, – говорил он себе, – молния не бьет дважды в одно и то же место. Бог не отнимет у меня Аду. Есть ведь все-таки какая-то справедливость на Земле». Так говорил Атон, но Ада умерла. Горе всей семье было уже не просто велико, но безмерно, ведь Ада была любимицей не только Атона, но также и его жены, и сестры Ады – Марии. Все любили маленькую Аду, но она умерла. Почему так произошло? Атон не мог понять. Он было возроптал, но потом сказал так: «Неисповедимы пути земные. Великое страдание было припасено для меня, и я его принял. Не имею я права роптать. Были уже люди, с которыми происходило нечто подобное, и они не ломались. Вспомню же Иова многострадального. Вспомню и утешусь. В конце концов, со мной все еще моя семья, мой дом и мои книги. И я верю, что еще придет счастье в этот дом и придет для меня радостное время. Хотя сейчас на сердце одна лишь тоска». Так говорил Атон, говорил, не ломался, трудился и верил в лучшее. Но жена его была совсем не так стойка, два несчастья в семье подорвали

ее силы, как физические, так и духовные. Некоторое время она жила так, как будто ничего особенного не произошло, но потом вдруг впала в апатию, а через некоторое время стало понятно, что она повредила в уме. Атон не жалея тратил деньги на врачей, но деньги уходили, а здоровье к Марии не возвращалась. Младшая же Мария, как могла, старалась вести хозяйство, насколько это было по силам для восьмилетней девочки. Атмосфера в доме была невеселой. Атон же продолжал трудиться и верить в лучшее.

Но и на нем стало сказываться общее напряжение. Труд не доставлял ему прежнего удовольствия и, как следствие, он стал менее продуктивен, а иногда и просто непродуктивен. И вот вдруг в один день совершенно неожиданно он оказался на улице, потому что на его место нашелся более способный работник. Это был удар для Атона, он не верил, что такое может произойти. Как же ему теперь кормить безумную жену (которая к тому же требует дорогого ухода) и маленькую дочь? Атон опять взялся за черную работу, но она не могла помочь ему сохранить дом. Семья была вынуждена съехать и вот, пока вопрос с новым жильем был не решен, отец, мать и дочь решили переночевать в бараке. «Это будет всего одна ночь, – сказал он себе и жене с дочкой, – одна только ночь, а там что-нибудь да придумается». И вот он снова слышит вокруг себя давно забытые им разговоры людей дна, вспоминает прошлое. Он смотрит на жену и дочку, укрытых грязным одеялом, и вдруг что-то такое находит на него, и он начина-

ет внутренне всхлипывать. Испугавшись, как бы эти жалкие звуки не услышали окружающие, он спешит на улицу, и там начинает рыдать во весь голос. Так сломался нестигаемый Атон, который верил в то, что нет таких испытаний, которые бы не мог выдержать человек. Так мир узрел слезы Атона.

А смысл притчи ясен: Знайте, что есть на свете непосильные бремена. А тот, кто не знает этого, тот узнает и надорвется.

Философия и фракционность

Феномен фракционности проявляется себя во всех сферах, и философия не является исключением. Но я некоторое время недооценивал его значимость. А именно логика моя поначалу была следующей: вокруг так мало людей, для которых философия реально что-то значит. Уж стоит найти философа, и я найду с ним общий язык. Ну хорошо, мы с ним будем в чем-то несогласны, но разве это существенно, если удерживать в уме то, как мало вообще людей, всерьез интересующихся философией. Частными несогласиями можно пренебречь, лишь бы общей была любовь к Истине. Я не сомневался в верности подобной позиции. Практика, однако, указала на серьезные ограничения такого подхода.

А именно довольно скоро я начал понимать всю силу фракционных трений внутри единого, как мне казалось, философского лагеря, всю значимость «философской партийности». И раз уж речь зашла о партийности, то уместно обратиться к миру политики. Вот существует государство, существует, условно выражаясь, правящая партия, и существует лагерь оппозиции. Оппозиция всегда неоднородна по своему составу, разделяясь на несколько принципиально несогласных друг с другом лагерей. Каждый лагерь в свою очередь неоднороден, предлагая принципиально различные пути развития страны. Крайне показателен, пример с истори-

ческими дискуссиями внутри марксизма, которая не только отделяла марксистов от всех остальных, но и раскалывала марксистов внутри марксизма (большевики-меньшевики). А казалось бы: уж если мы марксисты, то должны найти общий язык. Какое там... О том же, чтобы найти общий язык на основании того, что все мы радеем за общественное благо (как марксисты, так и либералы, и консерваторы) говорить вообще не приходится.

В философии, как приходится убеждаться, дело обстоит ничуть не лучше. Отсылка на взаимную любовь к мудрости не работает. Философы, найдя друг друга, не слишком то и рады встрече, а только и ждут, по какому бы им вопросу разругаться. В принципе, в этом есть своя закономерность, ведь все они заняты поиском Истины, и, таким образом, различного рода трения говорят о важности самого поиска. Это только по несущественным вопросам можно соглашаться, или не соглашаться, не придавая согласию-несогласию большого значения. И все-таки иногда берет досада. Так и хочется воскликнуть: философы всего мира, соединяйтесь! Но: как раз в оригинале, от которого про-изводна эта фраза во многом и содержится разгадка. А там говорится: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Не коммунисты, а именно пролетарии (если дистанцироваться от марксистской терминологии, то речь идет о народе, об апелляции к народу). Так вот и в философии, как я все более убеждаюсь, лучше апеллировать не к философам, а к тем людям, которые тянутся к

Знанию. Философы плохо понимают друг друга и, в общем, и не сильно стремятся к пониманию. Но вот непредвзятый еще читатель может понять и принять конкретного философа с его идеями. И как раз на таких непредвзято мыслящих людей и стоит ориентироваться.

Не совсем афоризмы

1. Опыт работы насыщает нас. Опыт счастливой жизни обогащает наш вкус. Трагический опыт отбивает у нас всякий вкус к жизни. Рутинный опыт притупляет наш вкус. И только при смешении этих ингредиентов в нужной пропорции, мы собственно и получаем настоящий вкус к жизни. – Э, да ты варишь своеобразный «жизненный суп» из различных видов опыта! – Да, и могу поделиться с тобой одним кулинарным рецептом: не добавляй соли; жизнь и так всегда солоновата.

2. Познание умножает скорбь. – Познание умножает скорбь невежд. – Умножение познания говорит нам о всей глубине нашего невежества, и умножает скорбь. – А эта скорбь умножает наше стремление к познанию.

3. Любители говорить правду в лицо – не очень-то они любят это лицо! – Но зато они любят правду! – Которая состоит прежде всего в том, что они любят говорить ее в лицо.

4. Мне очень понравилось то, что вы сделали! – Какая досада!

Мне очень понравилось то, что вы сделали! – Мне абсолютно все равно.

Мне очень понравилось то, что вы сделали! – Спасибо большое!

Мне очень понравилось то, что вы сделали! – Значит, я

сделал это не зря!

5. Признание – удел лицемеров, ищущих славы. – Вот как. Но зачем тогда вы говорите об этом вслух? Вы ведь не хотите, чтобы вас хоть кто-то услышал? Или, не дай Бог – согласился с вами?

6. Вот, почитайте, пожалуйста. Правда, похоже, у меня не очень-то и получилось, но может быть хоть не совершенная глупость... – Сейчас, сейчас. Да, действительно получилось не очень. – Да какое право вы имеете оценивать!:)

7. Я знаю немало. Я читал Платона, Аристотеля, Спинозу, Канта, Гегеля. – А ты не забыл посмотреть вокруг себя?

8. Ты знаешь о жизни только из книг. – И поэтому я знаю о ней фактически все!

9. Вы ошиблись. – Ну, что же, от ошибок никто не застрахован. – Да, а особенно те, кто руководствуется этой максимальной.

10. Жизнь есть не что иное, как одно сплошное разочарование. – А если у меня – не так? – Значит, вы – счастливое исключение из правила. – А если я знаю довольно многих людей, у которых это не так? – Значит, вы выдумываете или они притворяются. – Но как же мне узнать, притворяются они или нет? – Да так, что раз уж жизнь – одно сплошное разочарование, то, значит, они и притворяются.

Философия и «Почему» в России

Почему литературная традиция в России так явно доминирует над философской? Почему в то время, когда появились Пушкин, Лермонтов и Гоголь, не появились сопоставимые с ними по таланту мыслители? Почему не появились они чуть позже, когда пришло время

Достоевского и Толстого? Почему та традиция, которая все-таки начала складываться оказалось такой непрочной, что достаточно было желания Ленина, чтобы вся философия просто «уплыла из России» (философский пароход(ы)). Неужели она была такой хилой, настолько у нее не было корней, что ее можно было просто вырвать и убрать с глаз долой (с литературой и церковью так просто расправиться не вышло). Почему в Советском Союзе, марксистском государстве, не прижилась хотя бы марксистская традиция (которая, во всяком случае, представляет мощную философскую школу). Почему именно на «бездуховном западе» люди спорили о марксизме, а у нас – зубрили и тихо ненавидели? И почему при этом в советское время философские тексты все-таки печатались такими серьезными тиражами? Почему и сегодня о философии вспоминают только на философских факультетах? И почему при этом сегодня все-таки существуют философские факультеты? Почему и сегодня о философии говорят, как о безделушке, годной для того, чтобы сказать:

«Моя философия состоит в том...», не понимая, что все это не имеет к философии никакого (имеет, но опосредованное) отношение. И почему при этом лица людей, когда они говорят о философской составляющей, все же явно одухотворяются? Почему?

Герой-философ

Эпизод первый:

Премудрый пескарь

Если есть в России пренебрежение к философии, то оно должно было найти свое отражение у российских властителей дум. И, конечно, нашло. А так как властителями дум в России были не философы, как должно, а писатели, то и отражение получилось писательским. Я могу привести несколько примеров того, как философские образы были осмеяны классиками русской литературы.

Сначала припомним сказку Салтыкова-Щедрина: премудрый пескарь. Суть ее состоит в том, что есть пескари нормальные, резвящиеся в воде, а есть пескарь премудрый, не вылезаящий из своей норы. Ни до кого ему дела нет, жены-детей он не имеет. Он – премудрый. Казалось бы, это его пескарье дело. Не хочет он прыгать-скакать, он хочет философствовать. Но писатель не дает ему спокойно подумать. Как, он просто думает? А о чем? Просто так? А какая от этого польза? Да никакой, просто он – философ. Этого Салтыков-Щедрин снести не может и пишет самый желчный пасквиль. Все мы помним, что пескарь в описании Щедрина – тип крайне неприятный. Он просто всего боится, боится жизни. Но ведь для философа это нормально, все фило-

софы несколько выпадают из жизни, все они забиваются в свои норы, чтобы их там не беспокоили. Они просто хотят спокойно подумать. Но нет, не понимающий этого желания писатель твердит: «Он жил и дрожал – только и всего». Или: «И он лежит в той сырой мгле, незрячий, изможденный, никому не нужный, лежит и ждет: когда же, наконец, голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования». Автор злорадствует. Я же сочувствую. Бедный пескарник: наверное, никто так и не оценил его труда. Наверное, его философский труд безвестно погиб в речной пучине.

А как злорадствует автор по поводу бессемейности пескарня. Пескарень боится жениться. Это тоже нормально для философа: пескарню в этих вопросах сложнее, раз он предпочитает уединение. Никто не знает, легко ли пескарню от этого. Заглядывал автор в душу пескарня? Нет, ему этого не надо. Тот просто трус, и больше ничего. А может быть, пескарень был платонически влюблен (вот она – философская любовь) в красавицу-пескарню, и может даже признался ей в любви и для этого вылез из своей кельи-норы, да та только посмеялась над ним. Таков удел философа. И у людей, и у пескарней. Бедный пескарник, как он, наверное, переживал. Но делать нечего, он стал философствовать дальше. И вот он жил, делал свой никому не нужный в пруду труд, а потом естественно умер. Тут автор доволен и заканчивает так: «И вдруг он исчез. Что тут случилось – щука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб

или сам он своей смертью умер и всплыл на поверхность, – свидетелей этому делу не было. Скорее всего сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пескаря, да к тому же еще и премудрого». То есть сам Салтыков-Щедрин ничего не видел, но и свое незнание он использует только для унижения философа. Как его бесит премудрость пескаря, как он пытается любыми средствами сделать это слово (премудрость) оскорбительным! А ведь пескаря, может, действительно перешиб клешней рак. Какая ужасная смерть! Бедный пескарик. Никакого признания при жизни, бесславный страшный конец, забвение после смерти, да еще предельно тенденциозный пасквиль в качестве надгробной плиты. Вот оно – отношение к философам в России во всей его красе.

Герой-философ.

Эпизод второй: Рудин

Самым известным романом Тургенева неоспоримо являются «Отцы и дети». Далее, наверное, можно поставить «Дворянское гнездо» и «Накануне», а «Рудин» остается несколько в тени основных романов мастера. Однако, лично для меня, как для философа именно «Рудин» является ключевым романом Тургенева, потому как этот роман – самое философское из его произведений.

Официальная (школьная) трактовка романа такова: в одну семью приезжает талантливый молодой человек, который завораживает всех силой и красотой своего слова. Но вскоре выясняется, что кроме говорения слов он ни на что не способен. В общем, говорить он мастак, а делать ничего не умеет. Даже довести до конца дело с девушкой, с которой у него наметился роман, он не смог. В итоге он с позором уезжает, где-то там мотается и бесславно погибает на одной из европейских баррикад. Отсюда мораль: слова без дела ничего не стоят. Рудин, в общем, симпатичный молодой человек, но... пустоват, мелковат, чего-то ему, в общем, не хватает.

«Рудин» – вещь, которая меня по-настоящему поразила, и прежде всего в контексте того, насколько сам автор (Тургенев) может быть несправедлив по отношению к своему ге-

рою. Как Тургенев умудрился не понять, что перед ним – чистой воды философ! Первое же появление Рудина говорит об этом яснее ясного. Обращаюсь к тексту: «Я признаюсь, не могу не чувствовать искреннего сожаления, когда умные люди при мне нападают. – На системы? – перебил Пигасов. – Да, пожалуй хоть на системы. Что вас так пугает это слово? Всякая система основана на знании основных законов, начал жизни. – Да их узнать, открыть их нельзя... помилуйте! – Позвольте. Конечно, не всякому они доступны, и человеку свойственно ошибаться. Однако, вы, вероятно, согласитесь со мною, что, например, Ньютон открыл хотя некоторые из этих основных законов. Он был гений, положим; но открытия гениев тем и велики, что становятся достоянием всех. Стремление к отысканию общих начал в частных явлениях есть одно из коренных свойств человеческого ума.»

Как после этого можно говорить, что Рудин не занят никаким делом? Да вот же его дело: он – философ, очнитесь, наконец. Он занят тем, что говорит умные слова, и делает это дело превосходно. Другой вопрос, что никто вокруг не признает его дело – делом. От него все ждут какого-то действия, не понимая, что действие как они его понимают, противопоказано философу. Ему с девушкой даже объясниться сложно, а уж увести ее – просто невозможно. Но она требует от беспомощного Рудина увоза. А он хочет философствовать, а если любить – так уж чисто по философски, то есть платонически. Нет: увоз или позор. Рудин «опозорился». И

он и сам так и не понял, кем он является. Его и самого убедили, что он какой-то бездельник. И в конце концов его таки заставили заниматься какими-то бессмысленными делами и те доконали его, как доконали бы любого философа.

И вот, вместо русского Сократа (или даже Платона), а Рудин, судя по роману, мог стать именно им, мы получаем разочарованного мелкого революционера, который не верит в революцию, и погибает на баррикадах. После этого Рудина жалеют и говорят, что он был, в целом, неплохой малый, да вот только растратил себя на болтовню. Сократ всю свою жизнь растратил на такую вот болтовню.

Переход на личности

Всем известен прием, когда во время обсуждения переходят от объекта спора на личности спорящих. Считается, что это прием запрещенный, и действительно, так оно и есть, поскольку либо спор идет о каком-то предмете, либо о личностях (и тогда предметом является сама личность): одно из двух. Но, стоит поразмышлять и о том, насколько все-таки можно изолировать обсуждение от личностей рассуждающих.

Представим себе двух людей, обсуждающих какой-нибудь вопрос, причем они не согласны по какому-то вопросу. Заметим, что несогласие во время дискуссий подразумевает, поскольку согласие снимает всякую необходимость что-либо обсуждать. Далее, несогласный приводит доводы в пользу своей позиции, которые либо принимаются, либо не принимаются. Если доводы принимаются, то дискуссию на этом можно считать законченной. Практика дискуссий, однако, показывает, что доводы противоположной стороны принимаются крайне редко или крайне избирательно. Что же имеет место дальше? А что может иметь место, кроме прихода к повторному несогласию. Далее, человек, исчерпавший свои доводы и видящий, что их не принимают, и уже вряд ли примут, начинает раздражаться и разговор переходит на личности.

Так вот, что я вижу: переход на личности есть следствие осознания того, что личность эта принципиально (именно принципиально, то есть она придает значение своему несогласию и упорствует в нем, что и выявляется по ходу дискуссии) с нами не согласна. Таким образом, личность признается убежденным носителем чуждых нам идей (до начала дискуссии мы можем считать ее просто заблуждающейся, и ждущей просвещения), и закономерно, как и все чуждое, вызывает отторжение. То есть попытки разведения позиций личности и самой личности неправомерны. Не принимая позиции, мы не можем принимать личность их излагающую (именно в этом отношении, то есть в отношении высказываемой позиции). И переход на личности по ходу дискуссий, в ходе которых не достигается согласия, неизбежен. Например, уничижительные высказывания в адрес позиции противника означают также и уничижительное отношение к тому, кто ее придерживается, ведь он то пришел именно к этой позиции, а она настолько «глупая». Значит, и пришедший к позиции тоже глуп. Можно ли не обижаться, когда тебя называют глупцом? Трудно. Но чего никак нельзя сделать, так это прикинуться, что позицию мы называем глупой, а человека ее излагающего, тем не менее, не оскорбляем (называя его позицию глупой). Нет уж, уничижая позицию, мы уничижаем и человека, и далее он закономерно обижается, и имеет полное право на обиду.

Но: собственно к дискуссии все это действительно уже не

имеет отношения. Как только имеет место переход на личности: все – это и значит, что дискуссия исчерпала себя, что стороны сошлись на том, что они никак не согласятся друг с другом. Тут им остается пожать друг другу руки, похлопать по спине, ну или хотя бы не довести дело до драки. В общем, переход на личности – это индикатор спора, зашедшего в тупик.

Предел аргументации

К чему же все-таки ведут дискуссии, если они только с некоторой (невысокой) долей вероятности ведут к согласию дискутирующих? Ответ таков: в идеале дискуссия приводит к прояснению позиций спорящих. А именно, если вначале они просто не согласны друг с другом, то в конце они знают, в чем именно они друг с другом не согласны. Много это или мало?

Вообще говоря, не очень много. Как же немного, можете спросить вы, если речь идет о прояснении? Ведь прояснение позиции – это реально важно. Однако, заметим одну деталь: ведь это прояснение не для того, кто проясняет свою позицию, а для того, кто с ней не согласен. Тот, кто проясняет свою позицию, и так с ней знаком (если это реальная позиция). Те, кто разделяет эту позицию, также с ней знакомы. А вот те, кто не разделяет, могут не знать нюансов, и теперь они понимают эти нюансы более четко. Более четко понимая эти нюансы, они просто более ясно не согласны с этой позицией, только и всего. Проблема всех дискуссий состоит в том, что изначально существует момент, который отделяет одну позицию от другой, и ставит предел принятия позиции другой стороны. Например, если я утверждаю реальность окружающего нас мира, а кто-то утверждает его иллюзорность, то совершенно ясно, что либо мы сдвинем эти лежащие в ос-

нове представления в сторону (то есть поставим под сомнение реальность или иллюзорность мира), либо будем не соглашаться с аргументами противника. Если я не считаю, что мир иллюзорен, то я не могу воспринимать аргументы, доказывающие его иллюзорность. А если я начинаю принимать иллюзорность мира, то я отказываюсь от изначального тезиса о его реальности. Но вот воспринимать аргументы противоположной стороны, находясь на «своей стороне» фактически невозможно.

Наиболее частым следствием такого структурного непонимания являются «круговые дискуссии». Под круговой дискуссией я понимаю дискуссию, которая воспроизводит себя до бесконечности, воспроизводя в промежутке отсылку к изначальному несогласию. А именно стороны находят общий язык по некоторым деталям, вроде бы завязывается дискуссия, а дальше одна из сторон говорит: но мир-то иллюзорен. А другая: да вы что, он абсолютно реален. И спор начинается с самого начала. Я и видел множество таких дискуссий, и сам в них участвовал. И выходил из них, когда видел, что элементарно говорю в третий-четвертый раз одно и то же. Но просто выход на каждый новый виток дискуссии давал надежду на то, что теперь что-то изменится. Однако, виток оказывался неизменно иллюзорно новым, спор был типично круговым. Воспроизводя себя до бесконечности, он вел в никуда (сопровождаясь ростом раздражения сторон). В общем, всякая аргументация (влияние аргументации) имеет

свой предел и упирается в некоторые изначальные позиции, которые, в случае, если они остаются неизменными, сводят всю аргументацию к нулю (аргументы не воспринимаются как аргументы). Поняв, где этот предел, нужно уметь остановиться, иначе скоро начнется «переход на личности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.